

В. Ф. Миллер

**Этнографическое
обозрение**

1903 № 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. Ф. Миллер**
Этнографическое обозрение: 1903 № 3 / В. Ф. Миллер – М.: Книга по Требо-
ванию, 2024. – 239 с.

ISBN 978-5-517-92522-0

Издание Этнографического отдела Императорского Общества любителей
естествознания, антропологии и этнографии. Репринтное издание по технологи-
и print-on-demand с оригинала 1903 года

ISBN 978-5-517-92522-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Сказка съ двѣнадцатю персонажами.

III ¹⁾.

Двѣнадцать заговорщиковъ.

Въ первой главѣ этой статьи разсмотрѣны варианты сказки о двѣнадцати ученикахъ; указанные тамъ венгерскія, румынскія и югославянскія повѣрья о драконахъ и ихъ усмирителяхъ могутъ быть приняты за отрывки особаго варианта той же сказки или за элементы, изъ которыхъ могъ бы образоваться особый ея вариантъ. Монгольская сказка изъ Шиддикюра, несмотря на ея отклоненія, тоже не болѣе, какъ вариантъ сказки о волшебной школѣ. Во второй главѣ разсмотрѣна сказка о дочеряхъ морского царя; это уже не вариантъ предыдущаго сюжета, а модификація. Къ этой сказкѣ также указаны восточныя образцы, главнымъ образомъ: 1) ласская легенда; далѣе, 2) сказка объ Эртене-Мергенѣ, 3) отрывокъ объ Алтынъ-Картагѣ; кромѣ того, 4) легенда объ Эрдени-Хараликѣ и 5) преданіе объ Абатаѣ, хотя въ послѣднихъ двухъ выбора изъ двѣицъ нѣтъ, а въ преданіи объ Абатаѣ двѣицъ и совсѣмъ нѣтъ.

Теперь я перехожу къ новой переработкѣ того же сюжета, къ исторіи заговора изъ двѣнадцати заговорщиковъ. Я предполагаю, что была такая сказка, въ которой смѣна инцидентовъ и подробности были тѣ же, какъ и въ сказкахъ о двѣнадцати ученикахъ Оха или о двѣнадцати дочеряхъ морского царя, но вмѣсто учениковъ колдуна или дочерей морского царя, здѣсь было поставлено двѣнадцать заговорщиковъ. Въ этой предполагаемой сказкѣ было и двѣнадцать персонажей, объединенныхъ общей тайной, и желаніе взять одного изъ двѣнадцати, и затруд-

¹⁾ См. „Этн. Обзор.“, в. LVII.

неніе при выборѣ, котораго слѣдуетъ взять, и наконецъ выдача тайны однимъ изъ двѣнадцати же. Такой редакціи, въ которой всѣ бы эти мотивы были въ наличности, пока не записано; по крайней мѣрѣ, мнѣ такой записи не извѣстно. Всѣ эти элементы встрѣчаются въ отдѣльныхъ преданіяхъ; сказка какъ будто распалась, части ея разобщены; но эти отдѣльныя преданія объединяются или собственными именами или мелкими подробностями, такъ что ихъ можно свести къ одному цѣлому, чѣмъ я и займусь въ этой главѣ.

Прежде всего я обращусь къ преданіямъ о Чингисъ-ханѣ, между которыми найдутся и рассказъ о поѣздкѣ за женщиной (въ параллель къ сказкѣ о дочеряхъ морского царя), и отголоски разсказа о заговорѣ (который могъ соответствовать сказкѣ объ ученикахъ Оха).

О поѣздкѣ Чингисъ-хана за женщиной, именно за женой Шидургу-хана, существуютъ какъ книжные, такъ и устные рассказы. Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ Чингисъ-хану въ этой поѣздкѣ сопутствуетъ Хасаръ. Устные рассказы начинаются обыкновенно такъ: Чингисъ на охотѣ застрѣлилъ зайца; при видѣ крови на снѣгу онъ спрашиваетъ, есть-ли на свѣтѣ красавица, у которой щеки были бы окрашены такъ же красиво, какъ этотъ снѣгъ; Хасаръ говоритъ, что есть, что это жена хана Шидургу. Тотчасъ же Чингисъ рѣшается ѣхать, чтобы отнять у Шидургу его жену. Въ бурятскихъ вариантахъ эта женщина называется „дочерью кровавого моря“. По варианту, напечатанному въ „Трудахъ троицкосавскаго отдѣленія Русск. Геогр. Общества“, ¹⁾ Чингисъ и Хасаръ встрѣчаютъ на дорогѣ къ Шидургу три заставы: 1) качающуюся, какъ маятникъ, сосну (эквивалентъ классическихкихъ симплегадъ?); 2) „ругательницу черную бабу“, *харальчи хара ымыынъ* и 3) собаку, лаемъ и воемъ предвѣщающую гибель. Хасаръ, или, какъ онъ полѣе въ вариантѣ называется, Хабата Хасаръ Харбачъ, срубилъ сосну; старуха Харальчи сидѣла по горло въ озерѣ съ серпомъ въ рукахъ; она своими заклинаніями насылала смерть на людей; объ употребленіи серпа ничего не сказано. Когда Ха-

¹⁾ Труды троицкосавско-вяхтяпскаго отдѣленія Примурскаго Отдѣла Имп. Русск. Географич. Общества, т. III, вып. 1 (1900 г.), Иркутскъ, 1902 г., статья Я. С. Смолева: „Бурятская легенда о Чингисъ-ханѣ“, стр. 78—93.

саръ выстрѣломъ по горлу убилъ ее, Чингисъ и его товарищи вошли въ городъ и схватили Шидургу, но убить его не могли; въ книжномъ вариантѣ сказано, что его ни стрѣла, ни сабля не беретъ ¹⁾; въ бурятскомъ Шидургу самъ про себя говоритъ, что онъ *ухалъ улей*, т. е. бессмертный; чтобы убить его, нужно достать съ горы три пчелиныя жала и изъ моря три золотыя рыбки; въ этихъ предметахъ заключалась его смерть. Чингисъ и Хасаръ дѣйствительно нашли на горѣ пчелиный рой; чтобы собрать пчелъ въ улей, была произнесена молитва, вслѣдствіе которой сдѣлался сильный холодъ; пчелы собрались и умерли; тогда между ними были найдены три пчелы; послѣ этого Хасаръ нырнулъ въ океанъ, который началъ волноваться и кипѣть; изъ воды показалась щука, *дзурхай*, направилась къ берегу и изъ нея вышла Хасаръ съ тремя рыбками; онъ убилъ ихъ и изъ каждой вынулъ по жалу. Эти три жала воткнули потомъ въ шишку, которая была на лбу у Шидургу, и онъ умеръ. Чингисъ овладѣлъ женой Шидургу.

Умирая, Шидургу предупредилъ Чингиса, что жена его женщина коварная, и совѣтовалъ обыскивать ее даже подъ ногтями. Чингисъ обыскалъ ее, но ничего не нашелъ; а у ней были подъ ногтями спрятаны золотыя ножницы, которыми она и оскопила Чингиса. Чингисъ умеръ отъ этой операціи.

Совершивъ убійство, женщина бросилась въ озеро и обратилась въ маленькую рыбку; Хасаръ обратился въ щуку и погнался за ней; она выскочила изъ воды, обратилась въ жаворонка и полетѣла по воздуху; Хасаръ преслѣдовалъ ее въ видѣ ястреба; тогда женщина обратилась въ лисицу и побѣжала; Хасаръ обратился въ человѣка и убилъ ее ²⁾. Осниманное тѣло лисицы обратилось въ тѣло женщины; Хасаръ рвалъ волосы на ея головѣ и бросалъ по воздуху; они падали на озеро и плавали по водѣ; тѣло женщины Хасаръ изрубилъ на куски и разбросалъ ихъ по полю.

¹⁾ Алтанъ-Тобчи, стр. 27 (Зап. Имп. Археол. Общ., т. XIV, Спб., 1859).

²⁾ Снявъ ея шкуру, онъ сказалъ: „я нашелъ кладъ“, *ирдынъ оло!* Самая популярная изъ жёнъ Чингиса называется Бурте, въ одномъ памятникѣ Бурте-Эрдени (см. Бобровниковъ, Грамматика монг.-татм. языка, Казань 1849, стр. 352; эрдени—драгоценность), но въ преданіяхъ о Шидургу женщина этимъ именемъ не называется.

Въ преданіи аларскихъ бурятъ, записанномъ о. Затопляевымъ¹⁾, эпизодъ съ лисицей поставленъ ранѣе разсказа о походѣ противъ Шидургу; раненая лисица, убѣгая, поливается снѣгъ своей кровью, и окрашенный снѣгъ вызываетъ у Чингиса тотъ самый вопросъ, поводомъ къ которому въ предыдущей записи послужила кровь зайца.

Въ книжномъ преданіи преслѣдуетъ не Хасаръ, а Чингисъ, и убѣгаетъ самъ Шидургу, а не жена его²⁾. Шидургу поочередно обращается въ змѣю, тигра и дитя, Чингисъ въ птицу Гаруди, въ льва и въ Хормузду, царя небожителей. Когда Шидургу пойманъ, его не могутъ убить обыкновеннымъ орудіемъ; по варианту Саванъ-Сэцэна смертельно ранить Шидургу можетъ только zwischen der Stiefelsohle eine dreifach zusammengelegte Waffe von Magnetstahl³⁾; по варианту Алтанъ-Тобчи его можно только удавить пестрой, втрое свернутой веревкой, находившейся въ подошвѣ сапога у Шидургу. И въ этихъ вариантахъ жена убитаго Шидургу мститъ убійцѣ мужа; она наноситъ Чингису смертельную рану, а сама бросается въ рѣку Хатунъ-голь; тѣло ея несетъ вверхъ по теченію рѣки.

Новые тройцковские матеріалы о Хасарѣ подтверждаютъ высказанныя мною прежде предположенія о тождествѣ Хасара съ Гэсэромъ⁴⁾. Хасаръ ѣдетъ отнимать для Чингиса жену хана Шидургу; въ Гэсэриадѣ описывается поѣздка Гэсэра къ шрайгольскимъ царямъ для возвращенія увезенной у него жены Рогмо; отношенія женщины другія; въ Гэсэриадѣ предпріятію приданъ смыслъ освобожденія женщины изъ плѣна; въ преданіи о Хасарѣ это захватъ чужой жены, но въ обоихъ случаяхъ происходитъ отбращеніе женщины у человѣка, который владѣлъ ею и котораго пришлось предварительно убить. Хасаръ по дорогѣ къ женщинѣ

1) Записки Вост.-Сиб. Отдѣла Геогр. Общ., по Этн., т. I, в. 1, стр. 108—110.

2) Такое же поочередное летаніе по воздуху и ныряніе въ моръ бурятское преданіе приписываетъ шаману Моргонъ-хара, который ищетъ потерявшуюся душу одного человѣка; найдетъ ее заточенною въ сосудѣ у Эсвэг-Малана, который заперъ узкое горло сосуда своимъ пальцемъ, Моргонъ-хара, чтобы заставить Эсвэг-Малана отярыть сосудъ, обращается въ осу и жалитъ Эсвэг-Малана въ лобъ.

3) Geschichte der Ost-Mongolen, S. 101.

4) Потанинъ, Восточн. мотивы въ средне-вѣк. европ. эпосѣ, 71, 229 и др.

встрѣчаетъ нѣсколько опасныхъ заставъ (малчаную сосну, старуху Харальчи); Гэсэръ также встрѣчаетъ нѣсколько заставъ ¹⁾. Хасаръ кончаетъ тѣмъ, что разрубасть тѣло жены Шидургу на куски и разбрасываетъ ихъ по полю; Гэсэръ дѣлаетъ то же; такъ какъ его жена Рогмо избѣняетъ ему, держитъ сторону ширайгольскаго царя, то онъ убиваетъ ее и разрубаетъ ея тѣло на нѣсколько кусковъ.

Въ числѣ встрѣченныхъ Хасаромъ заставъ стоитъ старуха Харальчи; это какъ будто гэсэровскій же мотивъ, только изъ другого эпизода Гэсэриады, а именно изъ разсказа о поѣздкѣ противъ Анъ-Долмана. Чудовище Анъ-Долманъ, по алтайской редакціи, лежитъ на днѣ морскомъ, слизываетъ своимъ языкомъ проходящихъ мимо людей и скотъ. Старуха Харальчи сидитъ въ озерѣ и держитъ въ рукахъ серпъ или горбушу; хотя она убиваетъ приближающихся людей своими заклинаніями, но едва ли редакція праздно вручила ей серпъ. Вѣроятно, на изложеніе этого мѣста вліяли двѣ редакціи, по одной изъ которыхъ Харальчи истребляла людей только заклинаніями, и о серпѣ не было ни слова, какъ въ книжныхъ передачахъ преданія у Сананъ-Сэцэна и въ Алтанъ-Тобчи; по другой, она, высунувъ изъ воды только голову и руку, срѣзала серпомъ головы проходящихъ мимо озера ²⁾.

Эпизодъ объ Анъ-Долманѣ подаетъ мнѣ поводъ сдѣлать соображенія объ отношеніяхъ къ преданію о Гэсэрѣ славянскаго преданія о Кирилѣ. Музыкай, алтайскій Гэсэръ, осушаетъ море (выпиваетъ его), чтобы обнажить тѣло чудовища Анъ-Долмана ³⁾.

1) Потанинъ, Твг.-тиб. окраина Китая, II, 30.

2) Слѣдующій мотивъ тоже напоминаетъ Гэсэриаду. Лисица, убѣгая отъ Хасара, бросилась на гору, но восемь небесныхъ духовъ сбросили ее оттуда; она кинулась въ озеро, но восемь земныхъ духовъ высадили ее изъ воды. Въ тапгутской Гэсэриадѣ есть эпизодъ: Гэсэръ ударилъ Земпыра такъ сильно, что онъ весь ушелъ въ землю, но земные боги бросили его на небо; тогда небесные боги сбросили его назадъ на землю. Обращеніе женщины въ лисицу есть и въ Гэсэриадѣ, по, во-первыхъ, обращается въ лисицу не жена Гэсэра, а мать, и потомъ въ другихъ интересахъ; мать хочетъ напомнить Гэсэру о забытой ямъ женѣ; Гэсэръ прицѣпляется въ нее, но нѣтъ ни раны, ни пролитой крови.

3) Въ повѣсти о Гэсэрѣ выпиванія моря нѣтъ. Гэсэру въ этомъ предпріятіи сопутствуютъ товарищи, которые, подобно товарищамъ Иртушлюка тюркской

Кирилъ посредствомъ молитвъ осушаетъ море; обнажается гробъ съ мощами папы Климента, который лежалъ на морскомъ днѣ. Въ „Вост. мотивахъ“ я привелъ рядъ именъ, съ которыми, по моему мнѣнію, могъ быть связанъ мотивъ объ осушенномъ морскомъ днѣ: Харалтукъ, Хараликъ, Гэрэлъ и пр. При имени Хасаръ сходнаго имени до сихъ поръ не встрѣчалось; но въ новыхъ данныхъ о немъ этому мотиву отвѣчаетъ старуха Харальчи. Г. Смолевъ, напечатавшій забайкальское преданіе, Харальчи переводитъ словомъ „ругательница“; такъ, вѣроятно, это имя понимаютъ теперь сами буряты, но я думаю, что это какое-нибудь архаическое, подогнанное къ этому смыслу народомъ; въ преданіяхъ о Чингисъ-ханѣ есть имя Харалтукъ или Кирилту; это какой-то ханъ, который схватилъ Чингисъ-хана и набилъ на него колодки; Чингисъ бѣжалъ съ колодкой и спрятался въ воду, такъ что изъ воды торчалъ одинъ его носъ; картина не тождественная, но сходная съ той, которую представляла Харальчи. Къ этимъ даннымъ я присоединялъ еще киргизское преданіе объ Уралтай-Мамыръ-ханѣ, который бросилъ въ воду Есекень-батыря съ желѣзомъ на ногахъ ¹⁾. Въ однихъ случаяхъ имя Харалтукъ, Кирилту, Уралтай придавалось какъ будто лицу, которое своего противника бросило скованнаго въ воду, въ другихъ оно давалось тому лицу, которое сидѣло въ водѣ (въ бурятскомъ подѣ формой Харальчи).

Въ положеніи добывателя женщины представленъ также и герой одной монголо-тибетской легенды Эрдени-Хараликъ; онъ привозитъ на свою родину дакини; легенда, впрочемъ, ясно не приурочиваетъ дакини къ морю.

Въ бурятскомъ преданіи имя Харальчи, напоминающее формы сказки, кажется, имѣли разныя необыкновенныя способности (см. Восточн. мотивы, стр. 61 и 65) и одинъ, вѣроятно, имѣлъ способность выплывать море и снова его выплывать. Въ мипусинской сказкѣ объ Иванѣ Сучичѣ одинъ изъ такихъ необыкновенныхъ товарищей обладаетъ способностью складывать море въ копы; и онъ складъ море въ копы, чтобы обнажить лежавшій на его днѣ перстень, въ который обратилась дѣвица; Русскія сказки и пѣсни въ Сибири (Записки Красноярск. Подъотдѣла И. Русск. Географ. Общества по Этнографіи, т. I, вып. 2). Красноярскъ, 1902, стр. 59 (№ 34). Въ этой сказкѣ съ морского дна, обнаженнаго чудеснымъ образомъ, добывается не злое существо, чтобы убить его, а дѣвица, т. е. существо желательное.

¹⁾ „Вост. мотивы“, 21 и др.

Хараликъ, Харалтукъ, и Кирилту, перешло на тѣло, лежащее на днѣ озера, а именемъ Хасаръ называется богатырь, который долженъ извлечь это тѣло изъ воды, т. е. Хасаръ какъ будто поставленъ на мѣсто Кирила славянской легенды, извлекающаго со дна моря тѣло папы Климента. Усматриваются и нѣкоторыя мелкія черты, общія обоимъ преданіямъ. Кириль дорогой срубаетъ поклонное дерево; Хасаръ выстрѣлами изъ лука подсекаетъ корни чудовищной сосны. Спутниковъ Кирила одолеваетъ жажда; онъ превращаетъ горькій источникъ въ сладкій, т. е. добываетъ годную для питья воду; этого мотива въ бурятскомъ преданіи о Хасарѣ нѣтъ, но онъ есть въ алтайскомъ преданіи о Сартактаѣ-Кэзэрѣ и въ тьянь-шанскомъ объ Аланъ-Хазарѣ ¹⁾; правда, мы можемъ только догадываться, что Кэзэръ и Аланъ-Хазаръ тоже-станны съ монголо-бурятскимъ Хасаромъ, но мотивъ о жадѣ можно найти и ближе къ послѣднему; въ аларской записи о. Затоплева преданія о Шидургу, на которую уже выше было указано, есть рассказъ о „сынѣ неба“, который мучился отъ жажды, ударилъ плетью по скалѣ и изъ образовавшейся расщелины потекла вода; далѣе этотъ „сынъ неба“ сопутствуетъ Чингисъ-хану въ его поискахъ за женой Шидургу, слѣдовательно это Хасаръ.

Выше было сказано, что съ именемъ Гэсэръ былъ связанъ сюжетъ объ увозѣ женщины и потомъ о возвращеніи ея къ прежнему очагу. Въ своихъ „Восточн. Мотивахъ“ я старался доказать, что этотъ эпизодъ Гэсэриады представляетъ сліяніе двухъ сказокъ, построенныхъ на одной схемѣ; одна сказка по моей догадкѣ, рассказывала, что жену Гэсэра увезли три ширайгольскихъ царя и Гэсэръ поѣхалъ возвратить ее; онъ нашелъ сердце своей жены измѣнившимся ему; онъ убилъ царей, убилъ и жену, изрубилъ ея тѣло; другая предполагаемая сказка увозъ жены Гэсэра приписывала Чотону; Чотонъ увезъ жену Гэсэра, угналъ его скотъ, увелъ въ плѣнъ его родителей ²⁾. Въ преданіи о Хасарѣ описывается отбираніе законной жены у хана; можетъ быть и здѣсь это была увезенная женщина и поѣздку Хасара и Чингиса нужно понимать, какъ предпріятіе для возвращенія увезенной женщины.

¹⁾ „Вост. Мотивы“. 176 и 177.

²⁾ „Вост. Мотивы, 677“.

Въ русскихъ сказкахъ увозъ женщины, за которымъ слѣдуетъ ея возвращеніе, обыкновенно связанъ съ именемъ Кощей, такъ что является подозрѣніе, не тождественны ли имена Гэсэръ, Хасарь и Кощей, хотя Кощей стоитъ на мѣстѣ, которое занимаютъ противники Гэсэра и Хасара.

Въ былилѣ Кощей стоитъ супротивникомъ Ивана Годиновича ¹⁾; Кощей нападаетъ на Ивана, при помощи жены Ивана одолеваетъ его и привязываетъ къ дубу, но стрѣла Ивана убиваетъ Кощю и Иванъ казнитъ измѣнницу-жену, разрубаетъ ея тѣло на части, т. е. дѣлаетъ съ женщиной то же, что дѣлаютъ Гэсэръ съ своей женой, Рогмо и Хасарь съ женой хана Шидургу.

Въ великорусскихъ сказкахъ у Афанасьева Кощѣй (Кощей, Кошъ) увозитъ мать Ивана-царевича ²⁾, въ другой сказкѣ жену Ивана-царевича Ненаглядную Красоту ³⁾, въ третьей жену Ивана-царевича Василису Кирбитьевну, ⁴⁾ въ четвертой жену Ивана-царевича Марью Моревну ⁵⁾; въ сказкѣ о Тугарнѣй змѣй увозитъ жену Фелора Тугаряна Апастасью Прекрасную; по ходу и деталямъ это сказка о Кощѣй, только имя Кощей замѣнено нарицательнымъ „змѣй“. Въ русско-сибирской сказкѣ ⁶⁾ Кощей увозитъ у Неугомонъ-царевича жену Русую Русу ⁷⁾, въ южно-русской змѣй увозитъ у Чурилы Елену, жену Ивана-царевича ⁸⁾. Кроме того, Кощей является въ одномъ вариантѣ великорус-

¹⁾ См. „Вост. Мотивы“, 660. У Рыбникова, II, 14 Кошуй Трипетовичъ супротивникъ Василья Буслаева.

²⁾ Афанасьевъ, I, № 93, а.

³⁾ Ibid., № 93, в.

⁴⁾ Афанасьевъ, I, № 93, с.

⁵⁾ Ibid., № 94.

⁶⁾ Ibid., № 95.

⁷⁾ Записки Красноярск. Подъотдѣла И. Русск. Географ. Общества по Этногр., т. I, вып. 2, Красноярскъ, 1902, стр. 111.

⁸⁾ Гринченко, Этногр. матеріалы Черниг. губ., в. 1, стр. 159. Когда Неугомонъ-царевичъ увезъ Русу, Кощей захотѣлъ посмотреть, далеко ли она уѣхала; онъ говоритъ: „Семерья дѣти, возьмите семерья вилы, поднимите мои вѣки!“ Это значитъ, что онъ представлялся съ вѣчно опущенными вѣками и рѣсницами, представленіе, соединяемое въ народныхъ повѣрьяхъ съ главнымъ лицомъ темныхъ силъ (Вій у Гоголя) и въ малорусскомъ повѣрью съ св. Касьяномъ („Этногр. Обзор.“, III); эта особенность напоминаетъ также ослѣпшаго Гэсэра. Въ сказкѣ о царевнѣ, которую приходится отчитывать отъ чертей, въ угро-русскомъ ея вариантѣ, отчитывается царевну Кароль. У Гоголя одержимая.

ской сказки о лягушкѣ-царевнѣ, но здѣсь увоза нѣтъ; царевна-лягушка, собственно царевна Василиса Премудрая, обречена пробыть лягушкой три года, но мужъ ея не выждалъ срока, и она должна была, обернувшись лебедью, удалиться къ Кощею безсмертному ¹⁾. Мужъ увезенной женщины (въ одномъ вариантѣ сынъ) ѣдетъ возвращать ее; въ нѣкоторыхъ сказкахъ нѣсколь-ко разъ удается ему увезти жену изъ плѣна, но Кошей имѣетъ быстрого, говорящаго коня, на которомъ онъ летитъ по воздуху, догоняетъ противника; первые разы онъ пропаетъ ему, но наконецъ убиваетъ его; тогда злѣя убитаго воскрешаютъ его посредствомъ живой и мертвой воды; онъ достаетъ коня, который быстрѣе и сильнѣе Кошеева коня, и тогда ему удается убить Кошея. Въ одномъ вариантѣ ²⁾ конь Ивана-царевича совѣтуетъ Кошееву коню сбросить съ себя своего сѣдока и ударить его копытомъ, что тотъ и дѣлаетъ.

Въ другихъ сказкахъ смерть Кошея описывается иначе; онъ безсмертный; обыкновеннымъ способомъ онъ не можетъ быть убитъ; Кошей принадлежитъ къ числу тѣхъ неуязвимыхъ существъ, у которыхъ или только одна точка на тѣлѣ уязвима, или которое можетъ быть убито стрѣлой одного только какого-то дерева, или смерть котораго спрятана въ отдаленномъ предметѣ, не имѣющемъ вида смертельнаго орудія. Смерть Кошея скрыта въ яйцѣ, которое находится въ уткѣ, утка въ зайцѣ, заяцъ въ ящикѣ, ящикъ подъ корнемъ дуба, дубъ на островѣ, а островъ въ морѣ. Противникъ Кошея долженъ сдѣлать особую поѣздку за этимъ смертельнымъ яйцомъ. Въ сказкѣ о Фодорѣ Тугаринѣ вмѣсто яйца добывается каменекъ. Какъ только яйцо сдвинуто съ мѣста, на которомъ лежало неподвижно, Кошей начинаетъ чувствовать себя нездоровымъ; если яйцо жать въ рукѣ, тѣло Кошея будетъ корчиться; если его разбить, Кошей умретъ. Иногда противникъ Кошея, добывъ яйцо, возвращается къ Кошеему и бросаетъ яйцо ему въ лобъ, и Кошей умираетъ отъ этого удара; такъ товарищъ Ивана царевича Булатъ-молодецъ бьетъ Кошея

нечистой силой женщина сама указываетъ своему отцу, кто долженъ ее отчитывать; въ преданіи о Кирилѣ Кожемякѣ дочь князя сама указываетъ отцу, что спасти ее отъ змѣя можетъ Кириль.

1) Афанасьевъ, № 150, с (II, 157).

2) Афанасьевъ, № 94 (I, стр. 234 въ подстрочномъ примѣчаніи).

яйцомъ въ лобъ, Ѳедоръ Тугаринъ бросаетъ ему въ лобъ каменекъ ¹⁾. Въ сказкѣ о Ѳедорѣ Тугаринѣ оба мотива вмѣстѣ: и добываніе коня, который превосходитъ коня змѣя (здѣсь змѣй вмѣсто Кощея) ²⁾, и смерть змѣя отъ удара каменка, вынутаго изъ яйца утки; Тугаринъ несется на своемъ конѣ по воздуху выше деревьевъ, змѣй за нимъ; конь змѣя говоритъ, что ему не одолѣть Тугарина, и дѣйствительно Тугаринъ наноситъ змѣю смертельный ударъ.

Въ забайкальскомъ преданіи смерть хана Шидургу напоминаетъ смерть Кощея; Шидургу также безсмертный, *ухмыг улей*, какъ и Кощей; его смерть скрыта вѣдъ его тѣла; ее нужно искать на какой-то горѣ; это три жала, которыя находятся въ пчелахъ ³⁾. Хасаръ, чтобы убить Шидургу, долженъ отправиться на гору и поймать три пчелы. Въ русской сказкѣ Иванъ-царевичъ добываетъ изъ-подъ дуба ящикъ, открываетъ его, и утка улетаетъ; ястребъ ловитъ и приноситъ ее; Иванъ-царевичъ достаетъ изъ утки яйцо, моетъ его въ морѣ и нечаянно опускаетъ его въ воду; щука находитъ яйцо, выплываетъ изъ моря и подаетъ яйцо царевичу. Что-то подобное въ неясныхъ чертахъ рассказываетъ и забайкальское преданіе. Чингисъ доѣхалъ на горѣ до роя пчель, но онѣ летаютъ въ воздухѣ; онъ помолился богамъ; это вызываетъ дождь, омертвѣлыя пчелы собираются въ улей; Чингисъ выбираетъ изъ нихъ тѣ три пчелы, въ которыхъ находятся смертельныя для Шидургу жала, но почему-то не ѣдетъ прямо къ Шидургу, а зачѣмъ-то его спутникъ Хасаръ долженъ нырнуть въ море, чтобы оттуда вынести опять тѣ же три жала; изъ моря выплываетъ щука и изъ нея выходитъ Хасаръ съ тремя пчелиными жалами. Не были ли эти жала обронены въ море,—и понадобилась щука, чтобы найти ихъ?

Противники Кощея бьютъ его яйцомъ въ лобъ; въ забайкальскомъ преданіи три жала воткнуты въ шипку, которая была на лбу у Шидургу.

¹⁾ Афанасьевъ, № 93, с (I, 226), № 95 (I, 236).

²⁾ Этотъ богъ превосходный конь добывается въ уплату за то, что противникъ Кощея три дня пасетъ семь кобылицъ бабы-яги; подъ видомъ кобылицъ дочери бабы-яги. По некоторымъ редакціямъ этотъ конь братъ коню Кощея.

³⁾ Въ № 150 у Афанасьева (II, 158) въ сказкѣ о царевичѣ-лягушкѣ смерть Кощея въ иглѣ, которая въ яйцѣ и т. д.